

ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИИ “СУБЪЕКТ” В ЛИНГВИСТИКЕ

О.П. Попова

Дается обзор наиболее известных работ, посвященных изучению “субъекта” в русской и зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: субъект; лингвистика; категория; грамматика; подлежащее; сказуемое; объект; предикат; предложение; говорящий; высказывание; тема; топик.

“Субъект” является универсальной общенаучной метакатегорией, которая широко используется не только в современной лингвистике, но и в других науках (в философии, психологии,

педагогике, грамматике, логике, юриспруденции, медицине и др.).

Понятие “субъект” (от лат. *subjectus* – лежащий в основе) возникло еще в эпоху античности

в русле философского осмысления мира и человека, отношений человека с окружающей его действительностью. Это понятие употреблялось уже Аристотелем в смысле субстанции. Такое понимание “субъекта” сохранилось вплоть до XVII в. Затем оно стало обозначать некое “психолого-теоретико-познавательное Я”, противопоставляемое чему-то другому – “не-Я, предмету, объекту”. Таким образом, “субъект” стал обозначать уже не неизменную субстанцию, а “объективированное Я”, направляющее на объект своё познание или действие [1, с. 441]. Понимание “субъекта” как познающего, действующего индивида широко используется и в настоящее время в языкознании, психологии, логике, философии.

К исследованию категории “субъект” в лингвистике обращались такие учёные, как Эмиль Бенвенист (“О субъективности в языке”) [2, с. 292–300], Шарль Балли (понятия “диктум” и “модус”), А.П. Серио (“В поисках четвертой парадигмы”) [3, с. 37–52], А.А. Потебня (различение психологического и грамматического субъекта и объекта), В.В. Виноградов (понятия “образ ратора”, “образ автора”) [4, с. 7–120]; в рамках концепции “языковой личности” рассматривали субъект представители социолингвистического направления (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, О.Б. Сиротина и др.); в функциональном плане определяют категорию субъекта представители школы А.В. Бондарко (Г.Н. Золотова, М. Гиро-Вебер, В.Б. Касевич и др.).

В данной статье представлен обзор наиболее значительных работ, посвящённых изучению категории “субъект”, в русской и зарубежной лингвистике. Для начала обозначим, что представляет собой “субъект” в языкознании.

По сложившейся грамматической традиции, основанной на постулатах логики, “субъект” определяется как член предложения, соответствующий предмету мысли (логическому суждению), как грамматическое “подлежащее”. В современном языкознании в зависимости от аспектов рассмотрения различают субъект семантический, коммуникативный, психологический и собственно грамматический, заменяя его синонимичными понятиями: агенс (семантический субъект, противопоставляемый семантическому объекту – пациенсу), тема/топик/данное (коммуникативный субъект, выделяемый из противопоставления с объектом – ремой, новым), исходное представление (психологический субъект), подлежащее (грамматический субъект) [5, с. 498].

“Важно, – считает Л.А. Беловольская, – что большинство ученых отмечает двучленный харак-

тер мысли, выражаемой в любом предложении, так как в любом предложении есть предмет мысли-речи, то есть то, о чем говорится, и то, что говорится о предмете” [6, с. 55]. Однако ученые разных стран используют различные термины для обозначения одних и тех же понятий. Широко распространено обозначение двучленности высказывания через субъект и предикат (логические термины). Но зачастую термины “субъект” и “предикат” получают различное смысловое наполнение в трудах лингвистов. Термин “субъект” используется как синоним следующих слов и словосочетаний: деятель, производитель действия, действующее лицо, говорящий, предмет мысли, носитель признака. Логический термин “предикат” употребляется как синоним термина “сказуемое”, с ним также связано понятие предикативности.

В русском языкознании для обозначения мысли, выражаемой в предложении, ученые использовали различные термины: Ф.И. Буслаев – суждение, А.А. Потебня – апперцепция, А.А. Шахматов – психологическая коммуникация и т. д.

Синтаксис Ф.И. Буслаева построен на основе формальной логики. Поэтому любое предложение рассматривалось как тождественное логическому суждению. При этом “нормой и образцом считался универсальный тип предложения, наиболее соответствующий схеме логического суждения (субъект – связка – предикат), так называемый тип полного предложения” [7, с. 10].

А.А. Потебня (представитель психологического направления в языкознании) подверг критике подобное смешение логики и грамматики в построении синтаксиса. “Грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением. Названия двух членов последнего (подлежащее и сказуемое) одинаковы с названиями двух из членов предложения, но значения этих названий в грамматике и логике различны. Термины “подлежащее”, “сказуемое” добыты из наблюдения над словесным предложением и в нем друг другом не заменимы. Между тем для логики в суждении существенна только сочетаемость или несочетаемость двух понятий, а которое из них будет названо субъектом, которое предикатом, это для нее, вопреки существующему мнению, должно быть безразлично” [8, с. 61]. В связи с этим, А.А. Потебня выделил в предложении “психологическое подлежащее” (соответствующее субъекту) и “психологическое сказуемое” (соответствующее предикату).

В “Синтаксисе русского языка” академика А.А. Шахматова предложение рассматривается как выражение психологической коммуникации. “Член

предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, – писал А.А. Шахматов, – мы назовем главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях таким образом не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации...” [9, с. 30].

С точки зрения взаимодействия в языке семантических и синтаксических факторов создает свое учение академик Л.В. Щерба. Рассматривая язык как “кусочек жизни людей, такой же сложный, как и сама жизнь” [10, с. 98], он создает так называемую “грамматику говорящего”. Речевая деятельность понимается Л.В. Щербой как процесс, в котором говорящий субъект занимает место активного деятеля.

В структурно-функциональном плане построен синтаксис академика В.В. Виноградова. Он считал, что “исследовать и группировать грамматические факты” нужно “исходя из грамматического изучения основных понятий и категорий языка, определяющих связи элементов и их функции в строе языка. А такими центральными понятиями являются понятия слова и предложения” [11, с. 35]. Именно В.В. Виноградов формулирует лингвистическое понимание “субъекта”. В своих работах он рассматривает “субъект” в рамках модальности, а также вводит такое “субъектное” понятие, как синтаксическое (грамматическое) лицо.

Опираясь на идеи В.В. Виноградова, известный лингвист А.В. Бондарко создает так называемую теорию функциональной грамматики, в которой под “субъектом” понимается говорящий, который произносит высказывание с определенной коммуникативной целью.

Вообще, языкознанию рубежа XIX–XX вв. свойственна “антропологизация” исследований. По метафорическому выражению Г.А. Золотовой, “...сейчас хозяин-человек разными путями, в разных концепциях возвращается в науку о языке. Говорящий, мыслящий, чувствующий человек – главное действующее лицо в мире и в языке” [12, с. 107].

В функциональной грамматике А.В. Бондарко категория субъекта занимает центральное положение в “изучаемых субъектно-предикатно-объектных отношениях”, а тема субъекта служит переходным пунктом к рассмотрению коммуникативной перспективы высказывания [13, с. 3]. По мнению А.В. Бондарко, “субъектно-объектные отношения являются одной из самых универсальных категорий языка, поскольку они связаны с выражением в языке универсальных категорий человеческой мысли” [13, с. 5].

Наиболее широко исследовалась категория субъекта в рамках понятия “языковая личность”. Определение этому понятию, ставшему общепринятым в современных лингвистических описаниях, дал Ю.Н. Караулов [14, с. 3], а предложенная им модель описания языковой личности получила распространение среди лингвистов (Г.И. Богин, С.Г. Воркачев, Е.В. Гольдин, В.И. Карасик, Л.М. Ляпон, О.Б. Сиротинина и др.).

В настоящее время категория “субъект” рассматривается с точки зрения дискурсивного подхода к исследованию языка и речи (Е.А. Земская, Б.М. Гаспаров, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротинина, Е.Н. Ширяев, Т.В. Шмелёва, В.В. Карасик, П.Б. Паршин, А.П. Чудинов и др.).

История изучения категории “субъект” в зарубежной лингвистике берет начало в античности. Уже в риторике Аристотеля подчеркивалась роль субъекта речи. Во Франции в эпоху грамматики и логики Пор-Рояля исследователи при анализе некоторых форм и конструкций языка интуитивно шли от понятия “субъект”, не называя его таковым. Например, при анализе сложного предложения, включающего в себя придаточное, пытались разобраться в том, где при этом главное, а где включенное суждение. Исследователи Пор-Рояля опирались на логическое представление предложения, которое соответствует некоему суждению.

В истории изучения категории “субъект” значимой является точка зрения, высказанная в работах французского лингвиста Ф. де Соссюра. Как свидетельствует П. Серю в своей статье [3, с. 37–52], “вводя дихотомию язык/речь, Ф. де Соссюр не оставил сомнения в том, что субъект исключается из числа предметов, которыми занимается лингвистика” [3, с. 42]. Это было связано с тем, что во Франции 1960–70 гг. активно развивался структурализм, который утверждал идею “смерти субъекта”. Тем самым отрицались такие понятия, как “автор, авторство” в литературном творчестве (течение “нового романа” – А. Роб-Грийе, Н. Саррот) и в теории литературы (Р. Барт, А. Греймас). Однако были и такие ученые, которые при анализе структуры языка считали необходимым исследовать “субъект” и субъективность речевых актов (Балли, Дамуретт и Пишон, Гийом).

Немаловажную роль в языке отводит “субъекту” знаменитый французский лингвист Эмиль Бенвенист. Он “...заостряет внимание на некотором теоретическом “дискомфорте”, который вызывает проблема говорящего субъекта и акта производства высказывания, – и тем самым знамену-

ет решающий поворот лингвистики во Франции” [3, с. 45]. Э. Бенвенист исследует язык не просто с позиции описания его структуры и составляющих ее элементов, – он рассматривает язык “как деятельность, проявляющуюся в актах речи”. Он выражает мысль, что “положение человека в языке неповторимо” [2, с. 294]. “Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, – понятию “Его” – “мое я”” [2, с. 293]. Эта “субъективность” понимается как способность говорящего представлять себя в качестве “субъекта”. “Тот есть “его”, кто говорит “его”” [2, 294]. Э. Бенвенист считает, что язык “приводится в действие” в актах производства высказывания различными индивидуальными субъектами: “...каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта, указывающего на самого себя как на я в своей речи” [2, с. 294]. Как справедливо отметил П. Серию, “восстановление роли субъекта в лингвистике и есть новшество, введенное Бенвенистом” [3, с. 46].

Термин “субъект” в исследованиях американских лингвистов встречается довольно часто. Однако каждый ученый трактует эту категорию по-разному. На проблемность определения понятия “субъект” в американской лингвистике указывает и В.З. Демьянков в своем обзоре [15, с. 368–380]. Он пишет о том, что в американской лингвистике последних 20 лет кроме традиционного взгляда на понятие “субъект” (выделение “грамматического” и “логического” субъектов) существовали и другие трактовки этого понятия: локалистский подход Дж. Андерсона, грамматика “структуры движения” (см. Л. Талми), “рамочная семантика” (semantics) (Филлмор, Кан, Генслер, Роудз и др.), “теория гештальтов” (Лакофф), “теория фреймов” и др.

В американских лингвистических исследованиях понятие “субъект” оказывается связанным с понятиями “топик” и “тема”, для которых, впрочем, также не существует общепринятых определений.

Термин “топик” употребляется в нескольких смыслах. В одном из них он эквивалентен термину “тема” в концепции пражского функционализма: это тот элемент предложения, который сообщает минимально новую информацию. В этой концепции топик зависит не столько от грамматической организации предложения, сколько от его контекста, и может даже вообще не быть связанным с грамматической организацией.

Во втором понимании термина под “топиком” подразумевается логический субъект – то лицо или тот объект, о котором в предложении идет речь (вне зависимости, упоминается ли он впервые или

нет); а то, что сообщается о топике в предложении, называется комментарием (comment). Однако когда необходимо непосредственно разделить субъект и топик предложения, снова возникают различные подходы.

По мнению В.З. Демьянкова, ряд понятий “субъект – топик – тема” наиболее удачно определен в концепции “упаковки” (packaging) У. Чейфа. “Упаковка – это прежде всего оформление предложения, связанное со способом подачи предложения говорящим, и она только косвенно определяется содержанием сообщенного” [15, с. 373]. “Топиком” будет считаться составляющая предложения, “устанавливающая и задающая тот понятийный контекст (framework), в котором имеет место выраженная в предложении предикация” [15, с. 373]. А “субъектом” – “то, о чем говорится в предложении, или то, что является отправным пунктом предложения, к которому в предложении сообщаются дополнительные сведения” [15, с. 373]. Тема же (резюме, или общий “сюжет” дискурса или его части) к упаковке не относится.

Понятие “тематический субъект” раскрывается в работах Дж. Лайонза. Он различает тематически нейтральные (немаркированные) и тематически маркированные выражения: в первых тема, или “тематический субъект”, совпадает с логическим субъектом, а во вторых – не совпадает. Как отмечает В.З. Демьянков, «в этом подходе понятие тематического субъекта отождествляется с понятием психологического субъекта, т. е. “когнитивной исходной точкой”, из которой исходит говорящий, воплощая в высказывании свое намерение» [15, с. 374].

Новый взгляд на категорию “субъекта” представлен в работах, выполненных в рамках так называемой грамматики отношений (relational grammar). Представители этого направления считали, что грамматические отношения (субъект, предикат, прямой объект и т. п.) являются элементарными и не определяются через конфигурацию. “Грамматика отношений – это как раз то направление, в котором постулируется существование субъекта и на исходном, и на поверхностном уровне представления” [15, с. 375].

Подводя итог обзору подходов к изучению языка в американской лингвистике последних 20 лет, В.З. Демьянков отмечает все возрастающий интерес к проблеме субъекта, топика и темы и обращает внимание на то, что “понятие субъекта оказалось вовлеченным в дискуссию о роли предложения в человеческом общении” [15, с. 371].

Таким образом, в результате анализа работ, обращаясь к исследованию категории “субъект” в русской и зарубежной лингвистике, можно сделать вывод, что данная категория, выделяемая еще со времён Аристотеля в философии, и в настоящее время привлекает внимание лингвистов. Являясь универсальной категорией, “субъект” находит широкое применение не только в современном языкознании, но и в других науках.

Понимание “субъекта” в языке видоизменялось и дополнялось новыми аспектами. На смену традиционному пониманию “субъекта” в логике, входящего в структуру суждения, приходит описание его семантической, функциональной и коммуникативной сторон.

В русистике обращение к “субъекту” было связано с исследованиями в области синтаксиса. На основе выделенного в работах В.В. Виноградова лингвистического понимания “субъекта” создаются новые описания языка, раскрывающие данную категорию с разных сторон.

В американских лингвистических описаниях понятие “субъект” оказывается связанным с понятиями “топик” и “тема” и наблюдается в рамках соотношения и взаимодействия этих понятий.

Взгляд на “субъект” в европейских лингвистических исследованиях меняется от аристотелевского, логического, понимания данной категории до дискурсивного, отводящего главную роль “говорящему субъекту” (работы Э. Бенвениста). Такая трансформация взглядов, подходов и концепций связана с попыткой ответить на вопрос: находится ли субъект в языке или вне языка?

В заключение следует отметить, что, несмотря на различия во взглядах и научных традициях, во времени создания новых лингвистических теорий, наблюдается преемственность филологических идей в русистике и в языкознании зарубежных стран.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова / Э. Бенвенист. М.: Прогресс, 1974.
3. Серю П. В поисках четвертой парадигмы / П. Серю // Философия языка, в границах и вне границ. Харьков: ОКО, 1993.
4. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / В.В. Виноградов. М.: Наука, 1980.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
6. Беловольская Л.А. Синтаксис словосочетания и простого предложения / Л.А. Беловольская. Таганрог, 2001.
7. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке / Н.Н. Прокопович. Л., 1970.
8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. М.; Л., 1941.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. М.: УРСС Эдиториал, 2001.
10. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
11. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. / В.В. Виноградов. М.: Рус. яз., 2001.
12. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке / Г.А. Золотова // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 107–113.
13. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность. Неопределенность / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992.
14. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М., 2002.
15. Демьянков В.З. “Субъект”, “тема”, “топик” в американской лингвистике последних лет (Обзор II) / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка [Электронный ресурс]. 1979. Т. 38. № 4. С. 368–380. URL: http://www.infolex.ru/IZV4_79.html#_edn2.